

Глава 1

— Да пошел ты в пень!¹

Апанасенко вскочил, смахнул со стола рукой стакан с подстаканником. Стекло жалобно зазвенело по полу. Первый секретарь Приморского крайкома ВКПб Пегов, вжавшись в стул, в ужасе посмотрел в лицо Сталину. Послать самого Кобу?! В Кремле?

Лицо Иосифа Виссарионыча потемнело, карандаш хрустнул у него в руке.

— Ты что делаешь?! А если японец нападет, чем я буду защищать Дальний Восток? — продолжал кричать генерал. — Этими лампасами?! Хочешь расстрелять меня? Кончай прямо тут! Как Рычагова, как Павлова!

Пегов закрыл глаза. Все, это конец. Шлепнут за компанию. Просто потому, что слышал все это...

— Ты что? Успокойся, успокойся, товарищ Апанасенко! Стоит ли так волноваться из-за этих противотанковых пушек?

Пегов не поверил своим ушам. Открыл глаза, посмотрел на Сталина. Тот был спокоен. Даже

---

¹Реальная история. Взято из воспоминаний Пегова.

излишне спокоен. Ладно, они старые друзья. Еще со времен обороны Царицына. Но спускать такое?

— Стоит! — Апанасенко сел на стул, отбросил ногой осколки стакана. — Сам видишь, Коба, как современная война идет. Быстрые танковые прорывы, окружения, котлы. Японцы так же воевать будут. Дивизии дам. Солдат новых мобилизуем, обучим. А пушки?! Где я тебе их возьму?

— Ладно, если пушек дать не можешь... — Сталин задумался.

— Мины нужны. Противотанковые. Много. — Генерал достал платок, вытер пот с лысины. — Ты извини, что...

— Пустое! — Иосиф Виссарионыч махнул рукой, поднял трубку телефона. — Соедините с Берией. Да, жду.

Пегов тоже достал платок, вытер лоб. Похоже, буря миновала. Но нет...

— Лаврентий, помнится, у тебя был геройский сапер... Как его? Соловьев! Ладно, пусть военинженер. Не у тебя? У Кирпоноса? Ну хорошо, он мне нужен. Тут товарищи из «Серпа и молота» новые противопехотные мины его конструкции мне показывали... Нужны такие же, но уже противотанковые. Дешевые. Как остался в Киеве?! Кто разрешил?

Сталин громко заругался по-грузински, шмякнул трубкой по телефону. Пегов опять вжался в стул. Он уже не надеялся выйти из кремлевского кабинета секретаря ЦК партии живым.

***

В глаза будто песка насыпали. Вроде и вижу что-то, а вроде как в пыльную бурю попал. А еще тело ломит, во рту привкус крови. Где я? Где же еще... В лагере. Сейчас прозвучит сигнал к пробуждению, зэки посыпятся вниз со шконок. Опять у сортира будет очередь и ругань, потом хлеборезы пойдут готовить завтрак — все как обычно. Что же со мной? Неужели «зеленые» добрались и устроили темную? В голове пусто, только звенит.

Я протер глаза, с трудом сел на панцирной кровати.

— О, очнулся, земляк.

С усилием повернув голову, я обнаружил заматанного окровавленными бинтами бородатого мужика. Его темно-карие, почти черные глаза лихорадочно блестели, на лбу бисеринками собралась испарина.

— Ты кто?

— Я? Опанас. Из народного ополчения.

— Мы в госпитале? — Я потрогал шишку на затылке, огляделся. Мы лежали в большой палате, в которой стояло десятков кроватей. Все они были заняты ранеными.

— Да. В военно-клиническом.

— Его разве не эвакуировали?

— Еще на прошлой неделе. Но народ все одно нес раненых. Вот и тебя притащил кто-то.

— Опанас, надо валить! В городе немцы!

— Да знаю я, были они уже здесь.

— И что?

— Как видишь, пока ничего не случилось плохого. Женевская конвенция, слышал?

— Ты как хочешь, а я валю.

Попытался встать, ноги повело. Пришлось сесть обратно на постель. Нет, славно меня кто-то приложил по голове. Я ощупал пиджак, вывернул карманы брюк. Ничего. Денег нет, документов — тоже. Хорошо, что сообразил парабеллум оставить в тайнике. Неужели банальный гоппостоп?

— Куда тебе идти? Краше в гроб кладут. — Опанас, скрипнув зубами, сел на кровати.

— Лучше в персональный гроб, чем в братскую могилу.

Я опять попытался встать и, схватившись за боковину кровати, даже удержался на ногах.

— Большой! Вы куда собрались?! — В палату заскочила мелкая рыжая девчонка в белом халате. — Сейчас же лягте!

Ноги уже не держали, я повторно плюхнулся на кровать.

— Вас уже обработали? — спросило конопатое чудо.

— В смысле раздели?

Я посмотрел на себя, еще раз потрогал голову. Кровить уже перестало, но перевязаться надо было.

— Нет, им не занимались, — ответил за меня Опанас. — Врач сказал, что сначала тяжелые.

— Я ему напомню! На вот, приложите к голове. — Санитарка дала мне свернутую марлю и умчалась.

— Землячок, слышал про взрывы? — Сосед перешел на шепот, наклонился ко мне. — Говорят, наши взорвали самого Гимmlера! Заместителя Гитлера!

— Он не заместитель. — Я приложил марлю к голове. — Навроде нашего Бери.

— Да? Ну тоже хлеб.

Мы помолчали. Рядом стонали раненые, кто-то курил прямо в постели. Город за окном был подозрительно тих — ни взрывов, ни воздушной тревоги.

— А ты сам чьих будешь? — Опанасу не лежало, он встал, прошелся по проходу. — По одежде — штатский вроде.

Ответить я не успел. В коридоре раздался топот, в палату ворвались немцы.

— Всем на выход, строиться во дворе, — объявил выскочивший из-за стоящих на пороге говнюк. В гражданской одежде, с галстучком, волосики набриолиненные. Лет сорока, наверное, чем-то напоминает худощавую крысу. Из местных, сразу видно. Видать, моментально в холуи записался, как немцы пришли.

— У нас тут не все ходячие, — подал голос из угла лежащий там раненый. Его я не слышал до этого.

— Вам сказано, строиться во дворе! — завизжал переводчик.

Да, парень, видать, с личной жизнью у тебя беда, вон, аж рожу перекосило и слюнями подбородок забрызгало.

Глядя на двух немцев, молчаливо державших карабины у входа, раненые начали вставать и тя-

нуться к выходу. Кто в чем был, многие в исподнем и босиком. Мне повезло: у меня даже сапоги целыми оказались. Не знаю, почему неизвестные грабители на них не позарились. Может, стащить с ног не успели, а может, и побрезговали. За последнее время они здорово пообносились, да и чистил я их в последний раз... Вот как раз для того, чтобы не приглянулись никому.

Меня здорово качнуло, когда я встал. Если бы не Опанас, наверное, упал бы. Вышли, побрели по больничному коридору. Немцев вроде и немного, но распределились они так, что везде стоят. Погнали нас как скот, подбадривая прикладами. И тут в палате раздались выстрелы: один, два, три. Лежачих добивают. Твари. Кто-то рванул из толпы, но его тут же загнали назад прикладом. И все это спокойно, будто и вправду не людей гонят.

Где-то вдали тонко завизжала девчонка, захлебываясь в слезах, закричала:

— Не-е-е-ет! Не надо-о-о-о!

Оттуда же послышался глухой удар, и крик умолк. Один из конвоиров лениво повернул голову и крикнул:

— Что там, Фридрих?

И ответ:

— Представляешь, я ее толкнул, а она упала и шею сломала. — Говорящий это вышел в коридор и продолжил уже из него: — Вот сволочь, а я на нее так надеялся.

Меня здорово штормило, я крепко держался за руку Опанаса. Выстрелы раздавались то с од-

ной, то с другой стороны. Да уж, сам бы я отсюда не выбрался. Силенок бы не хватило. Девчонку-санитарку жалко ужасно, но все это воспринимается отдаленно, будто не со мной происходит. Как сон, наверное.

Дальше — хуже. Во дворе нас согнали в толпу, и выходящие из дверей госпиталя конвоиры окружали ее все плотнее. Впрочем, не всех это остановило. Кто-то рванул прочь, понадеявшись, что в суматохе сможет улизнуть, но выстрел бросил его на землю. Немец подошел и добил его штыком. Видать, чтобы патроны не тратить.

И тут на улицу выбежал врач. Раздетый, в одном халате, из-под которого выглядывали кургузые льняные штаны и легонькие растоптанные туфли. Видать, на ногах приходилось проводить очень много времени, и он обулся в удобную обувь, чтобы не так уставать. Порывом ветра у него сдуло с головы колпак, и стал виден венчик взъерошенных седых волос вокруг проплешины. Он сразу как-то постарел, стало видно, что, наверное, и в прошлую войну не дома сидел.

Врач что-то сказал стоявшему у входа офицеру, но тот отмахнулся от него как от мухи. Тогда доктор повысил голос, и я услышал, как он по-немецки, путаясь в артиклях и запинаясь от необходимости подбирать слова, закричал:

— Здесь больные и раненые! Много гражданских! Вы не имеете права!

Офицер не дослушал и мотнул подбородком стоящему рядом солдату. Тот коротко замахнулся и ударил доктора в висок прикладом. Упав на

землю, врач начал подниматься, не обращая внимания на заливающую его лицо кровь, и снова закричал офицеру:

— Как вам не стыдно!

Последовал еще удар прикладом в голову, заставивший его замолчать, но солдат не останавливался и бил до тех пор, пока череп лежащего не треснул. Тогда немец нагнулся и полой докторского халата начал деловито вытирать приклад.

***

Блин, сюрприз! Привели нас обратно на площадь перед университетом. И тут были изменения. Яму от взрыва закопали, кое-как замостили, поставили новые трибуны, украшенные траурными лентами. Пригнали кучу охраны. Она была везде — на крышах, в переулках. И... виселицы. Фашисты поставили виселицы. Где-то так с полсотни. Я начал считать, но сбился.

Фашисты согнали на площадь киевлян, поставили нас на колени. Кто-то из раненых не выдержал, повалился на брусчатку, его тут же добила выстрелом. Жители города под дулами пулеметов затравленно молчали, смотрели в землю.

Потом на трибуну выполз толстый немчик в таких же очочках, как у Гимmlера. Вокруг него появились журналисты, начали щелкать фотоаппаратами. Нас тоже засняли. Фашист принялся толкать речь. О победном германском мече, ко-

торый дважды за столетие завоевывает Украину. О политый кровью киевской земле. О патриотах Германии, которые несут свет варварам, и о невыученных ошибках прошлого. Рядом стоял такой же пузатый переводчик, который, вытирая со лба пот, переводил каждую фразу на корявый русский.

— Чешет как по написанному, даже без бумажки. — Опанас тяжело вздохнул, тоскливо посмотрел на виселицы. — Думаешь, для нас?

— Тут даже и думать не надо: за Гиммлера почитаться хотят.

Я посмотрел направо. Вместе с нами на площадь привели пленных командиров. Я увидел несколько майоров, пару полковников и подполковников и даже одного незнакомого генерал-майора. Со своего места я рассмотреть его толком не мог, в глазах все плыло.

— Украина — не место для романтических экспериментов, — продолжал вещать очкарик. — Непокорные будут уничтожены. Евреи и коммунисты будут уничтожены, их тела сожжены, а пепел развеян. Великий германский райх...

Я попытался разглядеть за трибуной то место, откуда выезжал Голиаф, но сколько ни тянул голову, ничего не увидел. Пейзаж прилично изменился, фасад здания частично обвалился, вокруг университета высились горы мусора и щебенки. Интересно, Ильяз уцелел? Смог уйти?

— Приступайте! — Толстяк махнул рукой, эссовцы схватили сразу с десятков командиров, потащили их к виселицам.

— Вот твари! — Опанас сплюнул кровавой слюной. — Мало мы их поубивали. Но хоть помирать не жалко — врезали мы им знатно.

Начал идти мелкий противный снежок вперемежку с дождем. Я кутаюсь в клифт, мотаю головой. Перед глазами — звездочки, меня все еще мутит. Помирать не хочется, ведь только жить нормально начал, обзавелся женой, домом... Как теперь Вера без меня? Найдет другого или будет вдовой? Какие же глупые вопросы лезут в голову перед смертью. Ну что мне до того в такой момент, кого она найдет... Будет счастлива, и ладно.

— Всех не перевешаете! — кричит один из командиров перед тем, как у него выбивают скамейку из-под ног.

Я замечаю в толпе репортеров кинооператора, который снимает экзекуцию на камеру.

— Ну что, давай прощаться, землячок, — вздыхает Опанас. — Сейчас нас поведут...

Немцы начали выдергивать из толпы раненых. Люди цеплялись друг за друга, их били прикладами. Вытащили и Опанаса.

— За нас отомстят, земляк! — крикнул я соседу по койке. — Слышишь?! В Берлине будем!

Под вопли и проклятия фашисты повесили новую партию наших. Я думал, что теперь потащат и меня, стоящего правофланговым, но оставшихся заставили слушать новую речь фашистов.

— Запомните этот день, унтерменши! — Толстяк вновь забрался на трибуну. — Железом и кровью мы установим наше господство. Бессловесный рабочий скот — вот в кого вы все скоро

превратитесь. Каждый день мы будем вешать двести человек и вобьем в вас трепет к высшим господам. Кровь за кровь! Хайль Гитлер!!!

Потом нас заставили хоронить повешенных прямо в одной из ям, оставшихся от бомбардировок. Слова про костры и пепел оказались художественным свистом — никто под дождем их разжигать не стал.

Только под вечер нас пригнали в лагерь на окраине Киева, голодных и замерзших. Что вам сказать? Даже суровые советские лагеря по сравнению с этим клоповником санаторием выглядели. Какая-то скотобаза, честное слово. Коровники с прохуdivшимися крышами, по периметру — колючка в четыре нитки, явно наспех натянутая. По углам — вышки, похожие на детские рисунки, еще одна — у ворот. Да и ворота из колючки сделаны. Ни «стакана», ни тем паче вторых ворот для входа в зону нет. И внутри локалки не разделены. Не зона, а так, временка. У нас выводной караул и то лучше организован был.

Но это мне в плюс, не немцам. Я тут сидеть не собираюсь, надо ноги делать отсюда побыстрее, пока не загнулся. Не знаю, кто да как, а я встревожился очень сильно, когда не нашел глазами ничего, похожего на пищеблок. Дымок вился только над одним помещением караулки возле ворот. Остальное, значит, не отапливается. Вот это, дорогие друзья, очень хреново. Как говорил рядовой Кирбанбаев в моей прошлой жизни, это тебе не май-лето.

Ладно, посмотрим, что тут да как. Кроме часовых на вышках еще и собачник по периметру